

четыре минус три

БАРБАРА
ПАХЛЬ-ЭБЕРХАРТ

БАРБАРА ПАХЛЬ-ЭБЕРХАРТ

четыре МИНУС три

Как после
немыслимого горя
научиться
улыбаться

СОДЕРЖАНИЕ

Четыре	9
Дни безвременья	59
Переход	79
Дань уважения	107
Хотите жить? Пожалуйста, подождите!	117
Из-за закрытой двери	129
Звуки с поверхности	159
Почта жизни	193
Страх переступить порог	223
Перемена перспективы	235
Возвращение не исключается	249
Панорама	271
Обустройство гнезда	281
Поворот	291
Один плюс один	299
Широкий шаг	317
Бокс с жизнью	329
Новая цель — вперед!	347
Жизнь продолжается	359

С чего начать?

С того дня, который разом все изменил?

С того момента, который все — так я тогда считала — отнял у меня разом? Начать с несчастья, которое катапультировало моего мужа в другой мир, моих детей в реанимацию, а меня в новую жизнь?

Или начать с этой моей новой жизни, с нового «здесь» и нового «сейчас»?

Мой новый письменный стол, за которым вот уже год я провожу время своей новой жизни, никогда не знал троих людей, чьи фотографии его украшают.

Следует мне начать с чего-нибудь нейтрального?

Например, с мысли записать свою историю с единственной целью: выманить ее из моей головы, чтобы прошлое больше не зависело от моей способности помнить.

Моя история. Мое прошлое. Мое давным-давно.

Откуда хочется начать?

Оттуда, где все равно, с чего начинаешь.

Потертый и полный ароматами воспоминаний чемодан моей памяти. Жизнь-крупье бросает свой кубик, и чемодан переворачивается вверх дном. Осторожно распаиваю крыш-

ку. Вижу: внутри все снова не так. Все мои представления о «до и после», о том, что будет сегодня, завтра и когда-нибудь, — перемешались и лежат как придется.

Прошлое взмахивает волшебной палочкой, и время устремляется вспять.

Новорожденный. Брат и сестра. Игра в снежки. Влюбленные. Супружеская пара. Ссора. Смех. Театральный занавес. Отпуск у моря. Беременный живот.

На чем задержать внимание?

Сцены нашей совместной жизни танцуют в моем сознании как мыльные пузыри. Радостно роятся перед моим внутренним взором. Переливаются тысячами оттенков, демонстрируя мне отражения моего прошлого.

Они бегут от прикосновений.

Не позволяют себя поймать. Их не ухватить, не удержать.

Ни при каких обстоятельствах.

Мыльные пузыри. Люблю их с детства. И сегодня они помогают мне работать — клоуном в детской больнице. Мне еще никогда не встречался ребенок, способный устоять перед этими величаво парящими, дрожащими и мерцающими шарами. Никогда я не видела ребенка, который, едва пережив восхищение при виде мыльных пузырей, не попробовал бы их поймать, не повторял бы еще и еще все ту же игру: сначала поймать шар, потом изумиться его внезапному исчезновению. И так до бесконечности. Попытка за попыткой. Смех. Изумление. И снова смех. И снова изумление.

Быть может, мыльные пузыри и есть первые курьеры в жизни ребенка, несущие ему послание о том, что все преходяще? Где, как и когда на нашем пути мы теряем способ-

ность по-детски радоваться тому, что однажды обязательно исчезнет, лопнет наподобие мыльного пузыря?

Лопнул.

Что случается с мыльными пузырями после того, как они лопнут? Лопнуть означает пропасть? Или раствориться в воздухе?

Где, как и когда на нашем пути мы теряем способность по-детски радоваться тому, что однажды обязательно исчезнет, лопнет наподобие мыльного пузыря?

Правомерно последнее. Мы обнаруживаем их в воздухе в виде мыльной взвеси. С трудом различима глазом, она стоит в воздухе. Потом медленно опускается вниз, на одежду, на волосы. Какое-то время мы носим эти остатки на себе. Вот, похоже, и все.

Нет, не все. Остается и другое: образы мыльных пузырей в нашем сознании. Принесенная ими радость. Эхо того звука, который они издают, теряя форму.

Жизнь моей семьи давно уже лопнула. Остались лишь образы — подробности, баснословную ценность которых сознаешь, лишь утратив их безвозвратно.

Некоторые образы считают себя важнее других, протискиваются вперед и сияют ярче. Им необходимо задержаться, дольше парить, прежде чем стать одним из воспоминаний. И у меня есть возможность выцепить самую яркую картинку из всех. Да будет она началом истории мужчины и женщины, которые любили друг друга. Всю жизнь.

Всю нашу жизнь. Она потянула на восемь лет.

«Пока смерть не разлучит нас» обещали мы, мой муж и я,

друг друга любить, почитать, уважать. Всю жизнь намеревались мы сохранять друг другу верность и идти рука об руку через радость и горе. И мы понятия не имели о том, как быстро она закончится — наша совместная жизнь.

Хели. Мой муж. И сегодня я почитаю, уважаю, люблю его так же, как в первый наш день. А он? И он продолжает идти со мною рядом через радость и горе, где бы я ни была, что бы со мной ни случилось. Как было обещано — и больше того: не только при жизни, но и после смерти.

Жаркий июльский день. Я — на вокзале. Только что прибыла, возвращаясь с очень интересного семинара по театротерапии. Тема семинара: «Обрети в себе своего внутреннего клоуна».

О, да! Я его действительно обрела, своего клоуна.

Иначе и быть не могло. Ведь я, будущая учительница начальной школы, еще семнадцать лет, во время урока латыни, шепотом поделилась с соседкой своим внезапным прозрением: «Я буду клоуном!»

Достаточно долго я понятия не имела о том, каким образом это спонтанно выраженное желание может стать реальностью. Снова и снова, принимая участие то в одном, то в другом семинаре, пыталась я сунуть свой нос в Мир Красноносых. И вот я созрела. Вдруг, где-то в поезде, я со всей определенностью, отозвавшейся во всем теле приятным покалыванием, поняла: «*Быть мне клоуном*».

Я придумваю номер. И буду с ним выступать. Единствен-

ное, что мне для этого надо, — найти себе партнера. Вдвоем все получается легче.

Я привязываю к багажнику велосипеда свой старый, купленный на фломаркте¹ чемодан и, погруженная в мечты, еду домой. Чтобы очнуться через десять минут в толпе в центре Граца. Грац празднует День города.

Как я сюда попала? Ведь мой путь лежит в стороне от пешеходного центра.

Я слезаю с велосипеда, тащусь в темпе улитки, продираясь сквозь толпу. Недоумеваю, почему не поворачиваю назад. Понятия не имею почему.

И тут я вижу его. Клоуна на подмостках. Который пытается устоять на черенке метлы. Зрители смеются и хлопают. Я их почти не слышу. И не вижу ничего, кроме лица этого изящного, стройного мужчины с красным носом. Я протискиваюсь в первый ряд. Наши взгляды встречаются. Да, такой романтический китч. Мы полюбили друг друга с первого взгляда.

Клоуну нужен доброволец. Он приглашает меня на подмостки. Позже еще, во второй раз. И в третий раз тоже. Я не новичок в уличном театре. Если тебя выбирают в добровольцы три раза подряд — это из ряда вон!

Это кое-что значит.

После представления я устремляюсь к нему со своим облезлым чемоданом, который прямо-таки просится на его сцену. И буквально фонтанирую словами.

«Я тоже клоун! Я хочу сделать номер! У меня есть прекрасная идея! Я... мне просто очень нужен партнер».

¹ Барахолка. (Прим. ред.)

«Да, это заметно», — ухмыляется Хели, который снял уже свой красный нос.

Боже, какой стыд!

Но я не проваливаюсь сквозь землю. Потому что земля никогда не расходитя именно тогда, когда ты в этом особенно нуждаешься. Вместо того чтобы провалиться, я, как в трансе, беру из рук Хели цветной проспект.

«Тут указан номер моего телефона. Позвони как-нибудь».

Я оказываюсь способной на кивок, прежде чем, зардевшись, исчезнуть. Добравшись домой, я даю себе и собственным четверем стенам торжественную клятву:

Звонить не буду. А если буду, то не раньше, чем через три дня.

На душе у меня светло. Моему сердцу уже ясно, что мужчине, изображенному на цветном проспекте, суждено быть моим партнером, и не только на сцене.

Как часто мы смеялись, вспоминая эту первую встречу!

«Да, это заметно». Хели говорил, что после этой своей фразы сожалел о том, что не откусил себе заранее язык. Три дня подряд он крутился у телефона. Не решался выйти из дома. До тех пор, пока я наконец не позвонила.

Прошло три месяца. Мы сидим после совместного выступления у Хели и подкрепляемся спагетти с соусом песто.

«По моему рецепту, который я держу в тайне».

Хели произносит слова, как заговорщик. Я цепенею под его взглядом цвета морской лазури. Я растворяюсь в этой синеве, но при этом слышу собственную мысль:

«Вау! А он еще и готовить умеет!»

Мы кормим друг друга. Хохочем, когда какая-нибудь макаронина падает на пол. Вутцл, дикий кот Хели, не дает пропадать добру. Я стараюсь его переурчать на пари. Расслабленные, мы заводим разговор о детях. Хотим ли мы детей. О, да! Разумеется. Мы хотим детей. Какие могут быть сомнения?!

«Сколько?»

Принципиальный вопрос. Мне важен ответ.

Любит или не любит... Если он хочет, чтобы я родила ему троих детей, значит, он меня по-настоящему крепко любит.

«Пятерых! — выпаливает он. — А ты?»

Я тоже. Это желание неизменно с четырехлетнего возраста. С того момента, как в супермаркете я уставилась на женщину с пятью детьми. Я не сводила с нее глаз, пока моя мать не повела меня к выходу. Но откуда Хели известно об этом моем желании?

«Я согласна. Пятеро детей — это здорово».

Теперь черед Хели задавать вопросы по существу.

«Ну, и когда же мы приступим?»

Если он хочет, чтобы я родила ему троих детей, значит, он меня по-настоящему крепко любит.

«Сейчас, немедленно». — *хочется мне выкрикнуть.*

Но ведь я еще недостаточно хорошо знаю этого мужчину. Я должна как можно скорее оторвать свои глаза от его голубых глаз. Иначе у нас действительно получится пятерня, и уже в следующую минуту.

А небо за окном цвета глаз Хели. Но я проявляю твердость. В этих вопросах спешки быть не должно.

«Гммм. Не сейчас. Но скоро. Скажем... Может быть, года через три?»

«Согласен. Значит, через три года. Заметано. По рукам». Вот и договорились.

На следующее утро мы нежмся в постели и занимаемся всем тем, чем занимаются все свежевлюбленные. Внезапно я чувствую, как в моем животе «взрывается» что-то — теплый, яркий свет распространяется от места вспышки во все стороны, как если бы родилась сверхновая звезда. Что случилось?

«Ты — беременна. Ты сияешь, как звезда!»

Хели и его интуиция! У меня от удивления раскрывается рот. Но тихое «да» уже прозвучало. И в следующее мгновение мы уже отплясываем какой-то безумный танец. Напрыгавшись, мы валимся, обессиленные, в постель.

«Ты должна себя теперь очень беречь», — шепчет мне он, улыбаясь.

Он. Хели. Отец ребенка в моем животе.

Мы назовем его Пауль. Бирка с его именем до сих пор в альбоме с семейными фотографиями. Аккуратно приклеенная и сопровождаемая датой.

13.6.2001

В первую ночь после его рождения я не могла отвести взгляд от крохотного создания, которое, едва появившись на свет, уже обращало на себя внимание своей неповторимой индивидуальностью. Я внимательно наблюдала за ним, когда меня осенило:

Нет, это не Пауль. Это же Тимо!

Это имя не стояло ни в одном из наших, достаточно длинных, списков детских имен. В возбуждении бужу Хели и посвящаю его.

«Тимо».

Как же замечательно звучит это имя, когда его произносит Хели. Вот оно. То самое имя. Так считаем мы оба. И нас абсолютно не беспокоит, что это имя, в предложенном нами варианте написания — Thimo, — не удалось обнаружить ни в одном из регистров имен.

Правила интересовали нас обоих лишь постольку, поскольку они не противоречили нашей интуиции. Если мы являемся родителями нового существа, кому, как не нам, «родить» и его имя?

Представительное *Th* представлялось нам важным. Вдруг нашему сыну суждено стать адвокатом. Или врачом. Или...

Разговор с пятилетним Тимо.

Тогда. Совсем недавно. Вечность тому назад.

Один из тех разговоров, который начинался задушевным «Мама-а-а, а знаешь...», что было сигналом: следует запастись временем. Ибо разговор будет важным.

«Мама-а-а, а знаешь? Мне нравится мое имя. Но это же имя для маленьких. Когда я вырасту, — хочу, чтобы у меня было другое, взрослое, имя».

Интересно, какое же?

И я спрашиваю его, какое же имя он считает подходящим для себя взрослого.

«Хмммм».

Тимо выдержал паузу и потом произнес, смакуя каждый звук:

«Хель-мут. Вот бы и меня так звали!»

Хельмут. Хели. Отцовское имя.

Стоп-кадры. Обрывки бесед. Как миниатюры являются они перед моим внутренним взглядом, стоит мне подумать о семи годах, проведенных с сыном. Воспоминания подобны чередованию картинок в калейдоскопе: узор никогда не повторяется. В трубку калейдоскопа заключено определенное количество осколков цветного стекла. Они каждый раз, при каждом повороте калейдоскопа складываются в неповторимую комбинацию. Но разом всех стеклышек не увидишь. Ты вынужден удовлетворяться той их частью, которую тебе демонстрирует данный момент.

То же с воспоминаниями. Сокровищница неисчерпаема. Тебе же доступны лишь некоторые выборочные образы.

Мною каждый раз с новой силой овладевает страх: только бы не забыть! Не желаю, чтобы стерлась в моей памяти хоть какая-то подробность из жизни моих детей, хоть какое-нибудь разделенное с ними мгновение, хоть что-нибудь из произнесенного ими.

Это желание заставило меня записывать. Записывать, как в лихорадке. Записывать ключевые слова. Писать до изнеможения. До ощущения черной пустоты в голове. Записывать. Исходя слезами. Криком. Отчаянием.

Меня гнал страх.

*Мои воспоминания — единственное, что у меня есть.
Только бы не забыть!*